

Когда на кукурузном поле фермера Бернса нашли Нечто, городок Эльснор заволновался. Стоило распространиться слуху о нахождении некоего метеорита из космоса, как к месту падения устремились репортеры и ученые в надежде раздобыть несколько образцов. Вскоре выяснилось, что Нечто — отнюдь не обычный метеорит: ночью гость из космоса излучал странное свечение. Кроме того, он, по-видимому, практически ничего не весил, так как после удара зарылся в песок всего на несколько дюймов.

К тому моменту, когда первая группа газетчиков и ученых добралась до фермы, эта цепочка событий пополнилась еще одним феноменом: Нечто начало расти!

Бернс, твердо вознамерившись извлечь из случившегося прибыль, уже возвел вокруг находки частокол и взимал с желающих поглазеть входную плату. Он также категорически запретил откалывать кусочки метеорита и вообще притрагиваться к нему. Несмотря на шквал негодования, фермер упрямо стоял на своем: закон на стороне фактического владельца имущества.

На третий день профессор Ральстон из Принст-вэлла первым обратил внимание на постепенное увеличение небесного тела в размерах и указал на это собравшимся коллегам. Вскоре они совершили еще одно открытие: метеорит пульсировал!

Нечто поначалу было размером с небольшой воздушный шарик, однако медленно росло. На смоляной поверхности сферы проступали переливчатые пятна. Нечто лежало в сгущающихся сумерках и сотрясалось от явственной дрожи. Когда же наступил мрак ночи, от пришельца стало исходить адское сияние. «Адское» — потому, что иного слова для этого зловещего потустороннего излучения не находилось.

Собравшиеся за оградой зеваки испуганно отпрянули прочь от причудливого света, который лился на них, придавая лицам призрачно-зеленоватый бледный оттенок. И только один мальчуган, сынишка Бернса, поддавшись какому-то бесу озорства, поднял внушительный булыжник и бросил прямо в неизвестную материю!

Булыжник не отскочил в сторону, как было бы при ударе о металл, — вместо этого он погрузился вглубь, словно в протоплазменную слизь. Когда

камень добрался до сердцевины метеорита, тот резко ожил и часто запульсировал. Исходящие из ядра цветочные волны закружились вокруг булыжника. Из волн выдвинулось что-то похожее на световые лезвия. Они пронзили камень, раскрошили и поглотили. На его месте осталось плавать только жутковатое красное пятно, напоминающее наливаемый кровью глаз.

Не успели крайне озадаченные зрители как-то отреагировать на такую участь булыжника, как за этим последовало более страшное событие: Нечто, будто окончательно пробудившись ото сна после «кормежки», отрастило щупальце, которое лениво сползло с верхушки вибрирующей сферы и на несколько мгновений зависло в воздухе, вертясь и извиваясь. После чего устремилось вперед со стремительностью атакующей змеи.

Прежде чем толпа успела рассеяться и обратиться в бегство, щупальце обвилось вокруг шеи ближайшего зрителя — им оказался скотовод Билл Джонс — и затянуло брыкающегося, вопящего человека в красную сердцевину. Остальные же, скованные душераздирающим ужасом и лишённые способности здраво мыслить, могли только разевать рты и рыдать, гадая, что же будет дальше.

Собравшиеся ожидали повтора произошедшего с булыжником, и поначалу казалось, что худшие опасения сбудутся: окружающие Нечто лениво циркулирующие потоки затянули тело жертвы в его центр. Гигантское щупальце втянулось обратно в сферу, слившись с потоками света. Концентрические круги объединились и уплотнились в один светящийся шнур, незамедлительно оплетший беспомощного человека. Изнутри шнура появились не световые лезвия, а мириады лучистых щупалец, которые вцепились в тело Джонса со всех сторон.

Вдруг щупальца втянулись обратно, стали разбухать и сочиться серой субстанцией. Она вытекала из их присосок, попадала в шнур, а оттуда перетекала в саму сферу. Это дымоподобное серое вещество извлекалось, по-видимому, из полости черепа. Билл Джонс больше не кричал и не брыкался, а застыл как камень. Тем не менее на его теле не проявлялось никаких отметин, оно казалось неповрежденным.

Вскоре наступила жуткая развязка: дрожащие щупальца исчезли, тело жертвы расслабилось, Нечто вспучилось — и... наружу вышел Билл Джонс!

Он сделал первый шаг и на мгновение застыл, безразлично таращась в пустоту. Все поняли: с Биллом произошло что-то неопишное. Что-то вырва-

лось на свободу — что-то, до настоящего времени существовавшее только по Ту Сторону Реальности.

Наконец, Билл повернулся лицом к неведомому объекту и неуклюже, словно робот, поднял руку, как будто отдавая честь. Затем развернулся и начал ходить вокруг сфер механическими шагами, как оловянный солдатик. Нечто между тем лежало неподвижно — насытилось!

Первым дар речи обрел профессор Ральстон. Надо отметить, он всегда быстро находился в любых ситуациях. Однако теперь его голос дрожал и хрипел, как после простуды.

— Джентльмены, — начал профессор, обещал взглядом разношерстную толпу и, казалось, засомневался в уместности подобного обращения. — Сограждане, — поправился он, — наблюдаемый нами феномен непостижим для ума обычного человека. Для меня же — и для моих почтенных коллег, — добавил он запоздало, — все ясно. Кристально ясно. Перед нами экземпляр — превосходный, должен отметить, экземпляр...

Он запнулся, ощутив приближение неминуемого. Нечто выпустило очередное щупальце и ухватило профессора за шею, перебив его речь. Последовавший звук до жути напоминал предсмертный хрип.

Стоит ли упоминать, что с профессором Ральстоном повторился тот же омерзительный процесс, что превратил Билла Джонса из человека в бездумный автомат?

Как и прежде, все произошло слишком быстро, чтобы кто-нибудь мог вмешаться, и слишком внезапно, чтобы собравшиеся могли сбросить оковы парализовавшего их ужаса. Однако на сей раз, когда жертву выбросило на поверхность сферы и она вышла наружу, лишённая серого вещества, одно щупальце по-прежнему обхватывало шею профессора, а другое присосалось ко лбу. Оно ничего не выкачивало из него, а, напротив, наполняло чем-то похожим на поток фиолетового сияния.

По-прежнему пребывающий в объятиях Нечто профессор Ральстон посмотрел на съездившихся зрителей остекленевшими глазами и продолжил лекцию с того момента, когда его прервали. Только говорил он теперь безразличным тоном машины — машины, управляемой безжалостным и бесчеловечным кукловодом.

Окончание следует.

Перевод с английского Евгения Никитина